

Научная статья

УДК 340.11

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-20-30>

Екатерина Сергеевна Зайцева

кандидат исторических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>, zay_tseva@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций

Аннотация: **Введение.** Потребность установления пределов правового регулирования возникает при осуществлении различных видов правовой деятельности, таких как правотворческая, интерпретационная и правоприменительная. Особое место в установлении пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности занимают высшие судебные инстанции – Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации. **Цель исследования:** выявить особенности и значение установленных пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций. **Методы исследования:** общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогии, системно-структурный и др.) и частно-научные (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод толкования норм права и др.). **Результаты.** Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности, осуществляемой Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации, имеет свои особенности как по отношению к правотворческой деятельности, так и по отношению друг к другу. Особенности установления пределов правового регулирования в этом виде деятельности высших судебных инстанций является их вторичный характер и форма выражения (интерпретационные акты, имеющие нормативное содержание). Вторичность определяет специфику критериев, которые будут значительно отличаться от критериев выявления и установления пределов правового регулирования в правотворческой деятельности. В деятельности Конституционного Суда Российской Федерации критериями установления пределов правового регулирования являются конституционно-правовые ценности и (или) принципы, а в деятельности Верховного Суда Российской Федерации – исключительно принципы права в том виде, в котором они получили закрепление и отражение в действующем законодательстве. Потребность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности обусловлена неопределенностью как одним из свойств права и может быть выражена в двух формах: позитивной и негативной. Видение пределов правового регулирования высшими судебными инстанциями имеет значение как для законодателя, так и для правоприменителя.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, интерпретационная деятельность, высшие судебные инстанции, толкование права, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации

Для цитирования: Зайцева Е. С. Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 20–30; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-20-30>.

Original article

Ekaterina S. Zaitseva

Cand. Sci. (Hist.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>, zay_tseva@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Setting the Limits of Legal Regulation in the Interpretation Activity of Higher Judicial Courts

Annotation: Introduction. The requirement to establish the limits of legal regulation arises in the implementation of various types of legal activities, such as law-making, interpretive and law-enforcement ones. A special place in setting the limits of legal regulation in the interpretation activity is occupied by the highest judicial courts – the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. **The aim of the research:** to identify the peculiarities and significance of setting the limits of legal regulation in the interpretation activity of higher courts. **The methods of research:** general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy, system-structural, etc.) and private-scientific (comparative-legal, formal-legal, method of interpretation of legal norms, etc.). **Results.** The setting of the limits of legal regulation in the interpretative activity carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation has its own peculiarities both in relation to law-making activity and in relation to each other. The peculiarities of setting the limits of legal regulation in this type of activity of the highest judicial courts are their secondary nature and form of reflection (interpretative acts with normative content). Secondary defines the specificity of the criteria, which will differ significantly from the criteria for identifying and setting the limits of legal regulation in law-making activities. In the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, the criteria for establishing the limits of legal regulation are constitutional and legal values and (or) principles, while in the activities of the Supreme Court of the Russian Federation - exclusively the principles of law as they are enshrined and reflected in the current legislation. The requirement to establish the limits of legal regulation in the interpretative activity is conditioned by uncertainty as one of the properties of law and can be expressed in two forms: positive and negative. The vision of the limits of legal regulation by the highest judicial instances is important for both the legislator and the law enforcer.

Keywords: limits of legal regulation, interpretative activity, higher judicial courts, interpretation of law, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Zaitseva E. S. Setting the Limits of Legal Regulation in the Interpretation Activity of Higher Judicial Courts // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 20–30; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-20-30>.

Введение

Проблема установления пределов правового регулирования встает при осуществлении различных видов правовой деятельности, но традиционно связывается исключительно с деятельностью правотворческой, оставляя за пределами научного осмысления необходимость и особенности установления пределов правового регулирования в процессе толкования

и правоприменения. Анализ научной литературы показал, что можно выделить только две публикации, в которых косвенно затрагивается данная проблема. П. М. Рабинович в своей статье выделил самостоятельную сферу правореализующего (в т. ч. правоприменительного) регулирования, не совпадающую со сферой легального регулирования, и обозначил условия (внешние и внутренние), определяющие ее изменения [1, с. 55–59]. К внешним условиям он относил изменения законодательства, к внутренним – использование аналогии закона и аналогии права, изменение толкования (перетолкования) оценочных правовых понятий, формирование новых правоконкретизирующих положений¹. Указанные условия, по его мнению, могут приводить как к расширению сферы правореализующего (в т. ч. и правоприменительного) воздействия, так и к ее сужению [1, с. 55–59]. Попытку связать пределы правового регулирования с различными видами юридической деятельности предприняла Е. А. Березина, выделив пределы правового регулирования в правотворческой деятельности, пределы интерпретационной деятельности, пределы правореализационной и правоприменительной деятельности [2, с. 50]. Полагаем, что предложенная терминология не совсем корректна, поскольку пределы правового регулирования изначально едины, и вряд ли можно говорить, что интерпретационная деятельность имеет самостоятельные пределы, не связанные с пределами правового регулирования, установленными законодателем², и независимые от них. В этой ситуации правильнее говорить не о самостоятельных видах пределов правового регулирования, а о проблеме установления пределов правового регулирования при осуществлении различных видов правовой деятельности, к которым следует относить правотворческую, интерпретационную и правоприменительную, каждая из которых имеет свои особенности. В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть особенности установления пределов правового регулирования при осуществлении интерпретационной деятельности высшими судебными инстанциями.

Методы

В процессе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогии, системно-структурный и др.) и научно-правовые (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод толкования норм права и др.) методы. Особое значение для исследования имел сравнительно-правовой метод, позволивший выделить особенности установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности как самостоятельном виде правовой деятельности.

Результаты

Правовая деятельность высших судебных инстанций: подходы и проблемы

Рассматривая интерпретационную деятельность высших судебных инстанций, необходимо коротко остановиться на оценке этой деятельности в отечественной юридической науке, поскольку достаточно часто ее рассматривают либо как правотворческую³ [3, с. 57–63], завершающуюся созданием нормативного правового акта (пусть даже и специфического) [4, с. 360–361; 5, с. 5; 6, с. 155–158; 7, с. 177–180], или судебного прецедента⁴ [8, с. 21; 9, с. 106–111; 10, с. 36], либо как правоприменительную [11, с. 63; 12, с. 107–111]. Поскольку этот длительно

¹ Необходимо уточнить, что сфера правореализующего регулирования, по мнению П. М. Рабиновича, может меняться только высшими органам (на тот момент, это, например, пленум Верховного Суда СССР, Госарбитраж при Совете Министров СССР). Именно эти органы аккумулируют общественную, а не индивидуальную практику правоприменителей, корректируют ее в масштабах всей страны. Непосредственно же правоприменительная практика призвана выступать важнейшим источником представлений о потребностях в праве, о требуемой «юридизации» и, наоборот, деюридизации общественных отношений, – словом, о нужном изменении сферы необходимого правового регулирования.

² Конечно, в данном случае нужно учитывать специфику правовой семьи, а также концепцию правопонимания, которая будет выступать методологической основой исследования.

³ Корнев А. В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 155.

⁴ Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2007. – С. 430.

и активно обсуждаемый вопрос не является непосредственным предметом настоящей статьи, позволим себе обозначить несколько тезисов, имеющих значение для нашего исследования, тем более что научная дискуссия по этому вопросу достаточно хорошо освещена в юридической литературе.

На протяжении дискуссии о существовании судебного правотворчества в российской правовой системе, которая идет уже три десятилетия, сложились два основных подхода, которые по-разному оценивают деятельность высших судебных инстанций. В рамках первого деятельность высших судебных инстанций рассматривается как правотворческая [4, с. 155–158; 13, с. 491–492; 14, с. 189]. Сторонники второго подхода обосновывают неприемлемость судебного правотворчества для российской правовой системы [12, с. 107–111; 15, с. 7–35; 16, с. 19]. Не останавливаясь на аргументации различных сторон, отметим, что деятельность высших судебных инстанций де-юре может быть двух видов: интерпретационная и правоприменительная. Отнесение определенной деятельности к конкретному виду, как это было отмечено ранее, обусловлено ее целью и результатом. Если целью является:

- разъяснение смысла правовых норм, которое содержится в итоговом акте, то речь идет об интерпретационной деятельности⁵;
- вынесение индивидуального решения по конкретному делу, которое находит отражение в правоприменительном акте, то речь идет о правоприменительной деятельности⁶.

Другое дело, что действующее право любого государства не может охватить сферу правового регулирования⁷ в полном объеме, и высшие судебные инстанции вынуждены в процессе своей интерпретационной деятельности дополнять предмет правового регулирования, в т. ч. уточняя и корректируя его пределы. Подобные уточнение и коррекция обусловлены «более высоким коэффициентом соответствия „судебных практик” реалиям жизни, чем у писаного закона» [17, с. 66]. Таким образом, высшие судебные инстанции, преодолевая законодательный дисбаланс⁸, фактически устраняют неполноту правового регулирования [18, с. 20].

При этом следует учитывать, что, признавая нормативную новизну, содержащуюся в отдельных решениях высших судебных инстанций, говорить об осуществлении ими повсеместной правотворческой деятельности все-таки нельзя, поскольку далеко не все решения характеризуются нормативной новизной и могут даже теоретически претендовать по своему содержанию на статус нормативного правового акта или судебного прецедента.

Нам ближе подход, который определяет деятельность высших судебных инстанций как интерпретационную, но отмечает ее специфику, используя соответствующую терминологию. Так, Н. Н. Вопленко применительно к деятельности Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) вводит понятие «правотворческое толкование» [19, с. 72–80], А. В. Победкин, рассматривая интерпретационную деятельность Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), предлагает использовать термин «нормативное толкование закона» [10, с. 37]. Полагаем, что такая терминология заслуживает внимания, поскольку, с одной стороны, отражает изначальный смысл и цель осуществляемой деятельности, а с другой стороны, подчеркивает побочные фактические результаты, обусловленные необходимостью уточнения и коррекции предмета правового регулирования

⁵ В пункте 4 ст. 3 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ указано, что по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации дает толкование Конституции Российской Федерации (О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

⁶ В пункте 3 ст. 2 Федерального конституционного закона № 3-ФКЗ Верховный Суд Российской Федерации рассматривает отнесенные к его подсудности дела в качестве суда первой инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550).

⁷ Сфера правового регулирования представляет собой совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно нуждаются в правовой регламентации.

⁸ Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2016. – С. 20.

и его пределов, а в некоторых случаях и выявления пределов сферы правового регулирования для внесения большей определенности в правовое регулирование общественных отношений, тем более, что нормативного понятия толкования в законодательстве Российской Федерации не содержится [20, с. 75]. Следовательно, высшие судебные инстанции имеют определенный простор при осуществлении своей интерпретационной деятельности.

Но если законодатель, выявляя и устанавливая пределы сферы правового регулирования, относительно свободен, будучи ограниченным только свойствами общественных отношений и свойствами права, выступающими как критерии выявления и установления пределов сферы правового регулирования, то субъекты интерпретационной деятельности такой свободой не обладают. Они в любом случае должны учитывать пределы предмета правового регулирования, установленные законодателем, и являются не самостоятельными творцами (авторами), а сотворцами (соавторами), отталкивающимися от уже существующего нормативного материала⁹. По мнению М. А. Куликова, «толкование права является формой его развития, а любое развитие, как известно, невозможно без изменений»¹⁰. Соглашаясь с общим посылом этого утверждения, отметим, что толкование права может являться формой его развития, предполагающей соответствующие изменения, но это происходит не всегда. Не случайно по объему выделяются три вида толкования: буквальное, расширительное и ограничительное, но только расширительное может рассматриваться как форма развития права. И именно такое толкование достаточно часто присуще высшим судебным инстанциям. Именно об исправляющем или изменяющем толковании говорил известный отечественный цивилист-позитивист Е. В. Васьковский: «Понимая норму в том смысле, какой она должна быть согласно действительному намерению законодателя, мы подвергнем ее так называемому исправляющему или изменяющему толкованию»¹¹.

Следует отметить, что подходы к интерпретационной деятельности будут существенно различаться в зависимости от концепции правопонимания. Например, представитель социологической концепции правопонимания С. А. Муромцев при разрешении юридических дел не ограничивался «специально-юридической сферой» и выходил за ее пределы, опираться на факты экономики, нравственности, религии¹². Характеризуя современные постмодернистские воззрения, профессор В. В. Лазарев отмечает, что они открывают «большое поле для понимания и интерпретации всего, что входит в сферу правового регулирования, что образует смысл соответствующих актов и общественных процессов, смысл правовых отношений и их участников и т. д. При этом свобода интерпретационной деятельности обуславливает множественные результаты, более того, допускается не только реконструкция авторских смыслов, их обнаружение в исследуемом объекте, но и конструирование собственного смысла» [21, с. 21].

Установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации: общее и особенное

Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности имеет свои особенности по отношению к правотворческой деятельности. В то же время установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации как двух высших судебных инстанций имеет не только общие черты, но и особенности по отношению друг к другу.

⁹ В данной ситуации мы исходим из того, что сфера правового регулирования представляет собой совокупность отношений, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации, в отличие от предмета правового регулирования, который включает общественные отношения, уже урегулированные нормами права.

¹⁰ Куликов М. А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2023. – С. 176.

¹¹ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. [Часть 1:] Учение о толковании и применении гражданских законов. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2002. – С. 247.

¹² Муромцев С. А. Что такое догма права? – Москва: тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1885. – С. 31–32.

Первой общей чертой является вторичный характер установления пределов правового регулирования. Если законодатель, устанавливая пределы правового регулирования, отталкивается от общественных отношений, то интерпретатор – от уже существующих правовых норм, принципов права и правовых ценностей. Задача законодателя – выявить и установить пределы сферы правового регулирования и закрепить их в качестве предмета правового регулирования. Задача интерпретатора – выявить и установить пределы предмета правового регулирования и только в том случае, если они не установлены, обращаться к пределам сферы правового регулирования. В силу этого степень свободы в установлении пределов правового регулирования на уровне правотворческой деятельности, с одной стороны, и интерпретационной деятельности, с другой стороны, будет отличаться.

Второй общей чертой является форма выражения пределов правового регулирования в виде интерпретационных актов, имеющих нормативное содержание. Для КС РФ – это постановления:

- о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними;
- о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном КС РФ истолковании;
- о толковании Конституции Российской Федерации¹³.

Для ВС РФ – это постановления Пленума ВС РФ (в т. ч. Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сохранившие юридическую силу) и обзоры судебной практики ВС РФ, утвержденные Президиумом. Особое место среди форм выражения пределов правового регулирования в правоприменительной деятельности занимают постановления Пленума Президиума ВС РФ, принятые по конкретным делам в порядке надзора и в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Дело в том, что этот вид правового акта имеет двойственную природу. С одной стороны, это правоприменительный акт, содержащий индивидуальное решение по конкретному делу. С другой стороны, он содержит разъяснения, «обязательные и для иных судов, применяющие соответствующие нормы (в силу как инстанционной организации судебной системы, так и (в ряде случаев) прямого указания закона)»¹⁴. Не случайно некоторые исследователи рассматривают эти акты как интерпретационные [22, с. 53–56] или считают, что их интерпретационная составляющая преобладает над правоприменительной, поскольку они в большей степени направлены на обеспечение унификации и развития судебной практики, чем на исправление конкретных судебных ошибок [23, с. 36–37].

Вторичность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций определяет специфику критериев, которые будут существенным образом отличаться от критериев выявления и установления пределов сферы правового регулирования в правотворческой деятельности. Если при осуществлении правотворческой деятельности критериями будут выступать свойства общественных отношений, имеющих правовую природу, и свойства самого права, то при осуществлении интерпретационной деятельности критериями будут выступать ценности и (или) принципы права. При этом критерии установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации будут отличаться.

Критериями установления пределов правового регулирования в деятельности КС РФ являются конституционно-правовые ценности и (или) принципы. Указанные критерии определяют особенности расширительного толкования КС РФ, обуславливающие выход за пределы предмета правового регулирования, установленного законодателем. Задача КС РФ не просто раскрыть содержание действующих конституционно-правовых норм,

¹³ Мы используем классификацию, предложенную М. А. Александровой (Александрова М. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник российского права : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – С. 167–168).

¹⁴ Корнев А. В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 12.

а сделать это, исходя из понимания ценностей и (или) принципов, имеющих достаточно абстрактный, контекстуальный характер и в силу этого не подразумевающих однозначного толкования. КС РФ представляет свое видение ценностей и наполняет содержанием принципы, в результате такой содержательной трансформации происходит коррекция пределов предмета правового регулирования.

В отличие от КС РФ в качестве критериев установления пределов правового регулирования следует рассматривать исключительно принципы права в том виде, в котором они получили закрепление и отражение в действующем законодательстве. Теоретически ВС РФ может только уточнять пределы предмета правового регулирования, но не корректировать их. Тем не менее абстрактность принципов права приводит к тому, что в процессе их конкретизации как необходимой составляющей уточнения пределов предмета правового регулирования ВС РФ в отдельных случаях не уточняет, а корректирует пределы предмета правового регулирования.

Являясь концентрированным результатом развития права, принципы имеют существенное значение для установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности. С одной стороны, они позволяют обеспечить стабильность и гибкость правового регулирования, дают возможность разгрузить законодательство, минимизируя проблему его избыточности; с другой стороны, выступают как средство преодоления пробелов, решая проблему недостаточности законодательства.

Следует отметить, что арсенал юридико-технических средств, используемых для установления пределов правового регулирования в рамках интерпретационной деятельности, тоже будет существенно отличаться от тех, что используются в деятельности правотворческой. В последней их гораздо больше. Они более формализованы и детально проработаны, это целые правотворческие технологии, включающие значительное количество методов и средств. Именно поэтому приоритет в установлении пределов правового регулирования все-таки должен оставаться за субъектами правотворческой деятельности.

Потребность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности обусловлена неопределенностью как одним из свойств права и может быть выражена в двух формах: позитивной и негативной. Негативная форма связана с дефектами права, позитивная – с особенностями изложения правового материала [24, с. 10]. В свою очередь, типовыми ситуациями, обуславливающими потребность в установлении пределов правового регулирования в процессе осуществления интерпретационной и правоприменительной деятельности, являются наличие пробелов в позитивном праве (негативная форма неопределенности) и «квалифицированное молчание законодателя» (позитивная форма неопределенности).

Значение установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций

Видение пределов правового регулирования высшими судебными инстанциями имеет существенное значение, как для законодателя, так и для правоприменителя. Решения высших судебных инстанций являются ориентиром для дальнейшего изменения и установления пределов предмета правового регулирования законодателем. В первую очередь это касается решений КС РФ. Кроме того, эти решения позволяют иметь обратную связь с законодателем, сопрягая положения закона с реальной действительностью, и служат источником информации для дальнейшей правотворческой деятельности. Большое значение решения КС РФ, корректирующие пределы правового регулирования, имеют и для правоприменителей. В случае если норма признается неконституционной, решения КС РФ временно определяют пределы предмета правового регулирования вместо законодателя.

Что касается решений ВС РФ, то несмотря на то, что они в большей степени ориентированы на правоприменителя, для законодателя они тоже имеют весьма существенное значение, поскольку «смысл закона, выявляемый Пленумом ВС РФ при его толковании,

учитывается при разработке проектов федеральных законов, а в некоторых случаях непосредственно служит основанием для разработки законодательных изменений» [25, с. 35]. Обобщение и анализ индивидуальных решений ВС РФ позволяют создавать собственный вариант нормативного решения, который может стать образцом не только для иных судов, осуществляющих правоприменительную деятельности, но и для субъектов правотворчества¹⁵. Значимость решений ВС РФ для законодателя определяется тем, что они обеспечивают обратную связь, «резюмируя общественный запрос на совершенствование законодательства, выраженный в массиве правовых споров и судебных актов» [26, с. 23], и выступая «священной нитью между законом и реальной действительностью» [27, с. 53]; служат источником важной информации для правотворчества, поставляя не случайный, а многократно апробированный в самых различных условиях материал [28, с. 83], позволяющий законодателю выявлять пределы сферы правового регулирования. Большое значение решения ВС РФ имеют и для правоприменителя, выступая вектором для будущей судебной практики. Их игнорирование влечет, как правило, судебную ошибку и как следствие – отмену соответствующего решения [29, с. 262].

Заключение

Таким образом, установление пределов правового регулирования производится не только «сверху» – законодателем, но и «снизу» – интерпретатором и правоприменителем. Это взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. Установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности осуществляется КС РФ и ВС РФ и имеет свои особенности по отношению к правотворческой деятельности. В свою очередь, установление пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности каждой из указанных судебных инстанций имеет не только общие черты, но и особенности по отношению друг к другу. К общим чертам следует отнести: вторичный характер установления пределов правового регулирования и форму выражения пределов правового регулирования в виде интерпретационных актов, имеющих нормативное содержание. Вторичность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности высших судебных инстанций определяет специфику критериев, которые будут существенным образом отличаться от критериев выявления и установления пределов сферы правового регулирования в правотворческой деятельности. При этом критерии установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации будут отличаться. Критериями установления пределов правового регулирования в деятельности КС РФ являются конституционно-правовые ценности и (или) принципы. В отличие от КС РФ, в качестве критериев установления пределов правового регулирования следует рассматривать исключительно принципы права в том виде, в котором они получили закрепление и отражение в действующем законодательстве.

Потребность установления пределов правового регулирования в интерпретационной деятельности обусловлена неопределенностью как одним из свойств права и может быть выражена в двух формах: позитивной и негативной. Негативная связана с дефектами права, позитивная – с особенностями изложения правового материала. Каждая из обозначенных форм определяет типовые ситуации, обуславливающие потребность в установлении пределов правового регулирования в процессе осуществления интерпретационной деятельности, такие как наличие пробелов в позитивном праве (негативная форма неопределенности) и «квалифицированное молчание законодателя» (позитивная форма неопределенности). Видение пределов правового регулирования высшими судебными инстанциями имеет существенное значение как для законодателя, так и для правоприменителя.

¹⁵ Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества : учебное пособие. – Москва: Контракт, 2018. – С. 74.

Список литературы

1. Рабинович П. М. Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития / XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1987. – С. 55–59.
2. Березина Е. А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 4 (113). – С. 42–55; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055>.
3. Анишина В. И. Решения российских судов в системе праворегулирования: некоторые проблемы теории и практики // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 57–63.
4. Судебная власть / Т. Е. Абова [и др.] ; под ред. И. Л. Петрухина. – Москва: Проспект, 2003. – 720 с.
5. Анишина В. И. Постановления Пленумов высших судов Российской Федерации: правовая природа, место и роль в правовой системе // Российский судья. – 2008. – № 5. – С. 4–8.
6. Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты : [монография]. – Москва: Международные отношения, 2004. – 340 с.
7. Четвернин В. А., Юрко Г. Б. Судебные источники права / Ежегодник либертарно-юридической теории : [сборник статей]. – Москва: ТЕИС, 2007. – Вып. 1. – С. 154–184.
8. Демидов В. В. О роли и значении Постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 3. – URL: <https://www.vsrfr.ru/files/11552/?ysclid=m0qitmcyg8194354626> (дата обращения: 20.06.2024).
9. Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине / Судебная практика как источник права : [сборник статей] / Б. Н. Топорнин, Э. Серверэн [и др.]. – Москва: Юристъ, 2000. – С. 91–97.
10. Победкин А. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как форма толкования и преодоления пробелов уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2008. – № 11. – С. 34–44.
11. Эпов А. Г. Судебные решения по делам об абстрактном нормоконтроле как акты «негативного» правотворчества: дискуссионные вопросы теории и практики // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2 (77). – С. 59–66.
12. Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий / Судебная практика как источник права : [сборник статей] / Б. Н. Топорнин, Э. Серверэн [и др.]. – Москва: Юристъ, 2000. – С. 107–111.
13. Сырых В. М. Материалистическая философия публичного права : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 573 с.
14. Сауляк О. П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – 220 с.
15. Ершов В. В. Судебное правотворчество: pro et contra // Правосудие. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 7–35; <https://doi.org/10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35>.
16. Колоколов Н. А. «Судебные практики» в уголовном процессе отвергнуть или, упорядочив, легализовать? / Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники : материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Д. С. Карева, Москва, 23–24 марта 2006 г. – Москва: Городец, 2006. – С. 66–68.
17. Абрамова А. И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 25–35; <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.3>.
18. Вопленко Н. Н. О понятии и функциях правотворческого толкования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1. – С. 72–80.
19. Сивицкий В. А., Терюкова Е. Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источники конституционного права // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 73–79.

20. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.
21. Гермер В. Н., Иванов С. А. Интерпретационные акты Верховного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 53–56; <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56>.
22. Верещагин А. Н., Каранетов А. Г., Тай Ю. В. Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 6. – С. 4–81.
23. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. – 2006. – № 7. – С. 32–44.
24. Момотов В. В. Толкование правовых норм Верховным Судом Российской Федерации в контексте современной правовой системы (окончание) // Государство и право. – 2018. – № 5. – С. 30–36.
25. Гребнев Р. Д. Роль и место судебных актов в правотворческом процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 2. – С. 23–35; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.008>.
26. Васильева Т. А. Судебное правотворчество в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – № 70. – С. 45–60.
27. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. – Москва: Норма, 2002. – 167 с.
28. *Правовая политика. Право. Правовая система* : монография / Р. С. Байниязов [и др.] ; под ред. А. В. Малько. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 342 с.

References

1. Rabinovich P. M. Sfery i predely pravovogo regulirovaniya: ponyatiye, vidy, faktory razvitiya / XXVII s"yezd KPSS i razvitiye teorii gosudarstva i prava : mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. – Sverdlovsk: Sverdlovskiy yuridicheskiy institut, 1987. – S. 55–59.
2. Berezina Ye. A. Predely pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy: problemy ponimaniya, klassifikatsiya i znacheniy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2020. – Т. 15, № 4 (113). – С. 42–55; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055>.
3. Anishina V. I. Resheniya rossiyskikh sudov v sisteme pravoregulirovaniya: nekotoryye problemy teorii i praktiki // Gosudarstvo i pravo. – 2007. – № 7. – С. 57–63.
4. *Sudebnaya vlast'* / Т. Ye. Abova [и др.] ; pod red. I. L. Petrukhina. – Moskva: Prospekt, 2003. – 720 s.
5. Anishina V. I. Postanovleniya Plenumov vysshikh sudov Rossiyskoy Federatsii: pravovaya priroda, mesto i rol' v pravovoy sisteme // Rossiyskiy sud'ya. – 2008. – № 5. – С. 4–8.
6. Vereshchagin A. N. Sudebnoye pravotvorchestvo v Rossii: sravnitel'no-pravovyye aspekty : [monografiya]. – Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004. – 340 s.
7. Chetvernin V. A., Yurko G. B. Sudebnyye istochniki prava / Yezhegodnik libertarno-yuridicheskoy teorii : [sbornik statey]. – Moskva: TEIS, 2007. – Vyp. 1. – С. 154–184.
8. Demidov V. V. O roli i znachenii Postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF // Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. – 1998. – № 3. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/11552/?ysclid=m0qitmcyg8194354626> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
9. Neshatayeva T. N. K voprosu ob istochnikakh prava – sudebnom pretsedente i doktrine / Sudebnaya praktika kak istochnik prava : [sbornik statey] / B. N. Topornin, E. Serveren [и др.]. – Moskva: Yurist", 2000. – С. 91–97.
10. Pobedkin A. V. Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak forma tolkovaniya i preodoleniya probelov ugolovno-protsessual'nogo prava // Gosudarstvo i pravo. – 2008. – № 11. – С. 34–44.

11. *Epov A. G.* Sudebnyye resheniya po delam ob abstraktnom normokontrole kak akty «negativnogo» pravotvorchestva: diskussionnyye voprosy teorii i praktiki // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2011. – № 2 (77). – S. 59–66.
12. *Nersesyants V. S.* U rossiyskikh sudov net pravotvorcheskikh polnomochiy / Sudebnaya praktika kak istochnik prava : [sbornik statey] / B. N. Topornin, E. Serveren [i dr.]. – Moskva: Yurist", 2000. – S. 107–111.
13. *Syrykh V. M.* Materialisticheskaya filosofiya publichnogo prava : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 573 s.
14. *Saulyak O. P.* Zakonnost' i pravoporyadok: na puti k novym paradigmam. – Moskva: Yurlitinform, 2009. – 220 s.
15. *Yershov V. V.* Sudebnoye pravotvorchestvo: pro et contra // Pravosudiye. – 2020. – Т. 2, № 1. – S. 7–35; <https://doi.org/10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35>.
16. *Kolokolov N. A.* «Sudebnyye praktiki» v ugolovnom protsesse otvergnut' ili, uporyadochiv, legalizovat'? / Ugolovno-protsessual'noye pravo: ponyatiye, sodержaniye, istochniki : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. D. S. Kareyeva, Moskva, 23–24 marta 2006 g. – Moskva: Gorodets, 2006. – S. 66–68.
17. *Abramova A. I.* Podzakonnoye pravotvorchestvo v sovremennom ponimanii: realii i perspektivy // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2019. – № 8. – S. 25–35; <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.3>.
18. *Voplenko N. N.* O ponyatii i funktsiyakh pravotvorcheskogo tolkovaniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2003. – № 1. – S. 72–80.
19. *Sivitskiy V. A., Teryukova Ye. Yu.* Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochniki konstitutsionnogo prava // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. – 1997. – № 3. – S. 73–79.
20. *Lazarev V. V.* Tolkovaniye prava: klassika, modern i postmodern // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2016. – № 8. – S. 15–28.
21. *Germer V. N., Ivanov S. A.* Interpretatsionnyye akty Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v sisteme pravovogo regulirovaniya // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2023. – № 1. – S. 53–56; <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56>.
22. *Vereshchagin A. N., Karapetov A. G., Tay Yu. V.* Puti sovershenstvovaniya pravotvorcheskoy deyatel'nosti Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. – 2013. – № 6. – S. 4–81.
23. *Vlasenko N. A.* Neopredelennost' v prave: ponyatiye i puti issledovaniya // Rossiyskoye pravosudiye. – 2006. – № 7. – S. 32–44.
24. *Momotov V. V.* Tolkovaniye pravovykh norm Verkhovnym Sudom Rossiyskoy Federatsii v kontekste sovremennoy pravovoy sistemy (okonchaniye) // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 5. – S. 30–36.
25. *Grebnev R. D.* Rol' i mesto sudebnykh aktov v pravotvorcheskom protsesse // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2020. – № 2. – S. 23–35; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.008>.
26. *Vasil'yeva T. A.* Sudebnoye pravotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2009. – № 70. – S. 45–60.
27. *Zagaynova S. K.* Sudebnyy pretsedent: problemy pravoprimeneniya. – Moskva: Norma, 2002. – 167 s. 28. Pravovaya politika. Pravo. Pravovaya sistema : monografiya / R. S. Bayniyazov [i dr.] ; pod red. A. V. Mal'ko. – Moskva: Yurlitinform, 2013. – 342 s.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted September 8, 2024; approved after reviewing October 29, 2024; accepted for publication December 25, 2024